

★ ★ ★ ДАНИЛ ★ ★ ★

КОРЕЦКИЙ

**ОПЕРАТИВНЫЙ
ПСЕВДОНИМ**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К66

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Оформление — *Анастасия Орлова*

Корецкий, Данил Аркадьевич.

К66 Оперативный псевдоним : [роман] /
Данил Корецкий. : Издательство АСТ,
2026. — 480 с. — (Шпионы и все осталь-
ные. Данил Корецкий).

ISBN 978-5-17-186924-3

В провинциальном Тиходонске уныло влачит жалкое существование затурканный жизнью безработный Сергей Лапин. Обстоятельства ставят его в центр столкновения мощных финансовых и криминальных группировок, и вдруг сквозь психическую блокаду начинает пробиваться сознание специального агента самой могущественной и абсолютно неизвестной спецслужбы бывшего СССР Макса Карданова, с именем которого связываются пропавшие в период путча 1991 года бриллианты на сумму три миллиарда долларов. За Кардановым начинают охоту и бывшие коллеги, и бандиты, а он ищет ключ к собственному подсознанию. И найдя его, сам переходит в наступление.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Корецкий Д.А., 1997
ISBN 978-5-17-186924-3 © ООО «Издательство АСТ», 2026

ЧАСТЬ 1
ЗАПАСНОЙ УРОВЕНЬ

«Оперативный псевдоним»

(песня, написанная для фильма,
но в него не вошедшая)

Не помню я ни Лондона, ни Рима,
Глаз матери или отца седин...
В стальных архивах — собственное имя,
Остался лишь оперативный псевдоним.

Припев:

Секрет украденный важней слезинки детской.
Работа чистая — вербовочный шантаж —
Конечно, если звать ее разведкой,
Другое дело — грязный шпионаж!

Вся жизнь проходит в хитрой паутине,
В игре, где что ни слово, то обман.
Покоя ни в Париже нет, ни в Лиме,
И нету в мире безопасных стран.

Припев:

Секрет украденный важней слезинки детской.
Работа чистая — вербовочный шантаж —
Конечно, если звать ее разведкой,
Другое дело — мерзкий шпионаж!

Д. Корецкий
2002 г.

Глава 1

Внешние раздражители

Тиходонск, 7 февраля 1997 года,

17 часов 40 минут,

температура воздуха минус 12 градусов по Цельсию.

Жизнь все сильнее брала за горло мозолистой рукой. Настолько холодной и жесткой, что иногда казалось, будто это костлявая хватка смерти. Старые, выношенные ботинки не защищали от холода, так же как вытертое пальтецо и облезшая до самой кроличьей шкуры некогда меховая шапка. Если бы вылебать тарелку густого борща с хлебом да наверхнуть картохи под селедочку и стопарик водки — сразу бы потеплело. Впрочем, и без водки обошелся бы, и без селедочки, да и без борща — набить брюхо любой жратвой, чтобы не сосало под ложечкой, не тошнило, не подгибались ноги...

Сергей Лапин медленно брел по проспекту Маркса — главной улице Тиходонска. Ветхие домишки старого купеческого города из бесценных, но никому не нужных, а потому ничего не стоящих памятников истории и архитектуры превратились в престижные и дорогие вместилища всевозможных офисов, магазинчиков, баров, представительств и фирм, мгновенно восстановив былой, казалось, навсегда утраченный, лоск. Лапин шел вдоль отделанных мрамором фасадов, лежащих у полированных дверей на очищенной от снега фигурной тротуарной плитке цветных ворсистых ковриков, ярких, манящих изысканной снедью либо ультрамодной одеждой витрин, мимо небрежно приткнутых у тротуарной кром-

ки огромных всепогодных джипов, мимо нарядных веселых женщин, сытых и уверенных мужчин — хозяев нынешней жизни.

Его облик настолько контрастировал с окружающим великолепием, что мог служить наглядной иллюстрацией к рубрике «Два мира, две судьбы», которой в былые времена советские газеты приколачивали к позорному столбу истории гнойные язвы капитализма. Сам Сергей об этом не думал — у него было предельно конкретное мышление, касающееся лишь того, что работило в данную секунду. Сейчас он беспокоился, вернулась ли Тонька, — в противном случае в дом не войти: ключ у него изъяли неделю назад. Да теплилась надежда, что удастся чего-то подкалымить в чебуречной у Рубена. Доковыляв до Богатого спуска, Лапин свернул вниз и уже через квартал оказался в купеческом Тиходонске начала века. Тогда спуск упирался в грузовые причалы, тут разгружали сухогрузы с лесом, зерном, табаком и мануфактурой и загружали баржи мукой с Парамоновской крупорушки, сигаретами с Асмоловской табачной фабрики, овощами, вяленой рыбой. Здесь всегда можно было подработать или, на худой конец, украсть, потому переулочек и прозвали Богатым. О разновидностях промысла тех времен красноречиво говорили названия коротеньких улочек и проулков: Соляная, Табачная, Мануфактурный... Прилегающий к причалам район окрестили Богатынкой, и, хотя порт давно перенесли в другое место, название сохранилось. Сохранилось в первозданном виде и все остальное: обветшавшие вконец одно-, двух-, редко трехэтажные домишки с приспособленными «удобствами», соответствующее жилому фонду население, лихие обычаи и нравы. Одно слово — Богатынка!

У Рубена посетителей почти не было: за угловым столиком трое местных мужиков пили вино, да два зачетных парня с хищными лицами и приклеенными к уг-

лам ртов «беломоринами» шушукались над тарелкой остывших чебуреков. Лапин несколько минут подождал хозяина, потом боком прошел в подсобку. Здесь пахло раскаленными чебуреками и жареным мясом. За замызанной занавеской слышался веселый разговор: Рубен принимал друзей. Лапин кашлянул.

— Кэто там? — Занавеска откинулась. Круглолицый армянин с усиками-стрелочками выглянул из прокуренного закутка. Его добродушному виду не соответствовали внимательные холодные глаза. Глаза человека, с которым лучше не ссориться. Да и говорили о нем всякое... Неизвестно, насколько слухи соответствовали действительности, но рэкетеры к чебуречной не приближались на дальность пистолетного выстрела.

— Работы нет? — Голос звучал хрипло, наверное, от волнения,— слишком важным был для него ответ на этот вопрос. Лапин откашлялся.

— Нэт, дарагой,— Рубен развел руками.— Воду при-нэсли, дрова есть. Давай завтра заходи...

Он с симпатией относился к Сергею. Парень порядочный, не пьет, не дерется, не ворует. И вид приличный — всегда чисто выбрит, голос тихий, взгляд ясный — не похож на богатыновскую шпану..

— Завтра, харашо? — Хозяин доброжелательно улыбнулся.

Лапин печально кивнул и сглотнул.

— Э-э-э,— насторожился Рубен.— Ты что, кушать хочэш?

Сергей молча отвел взгляд.

— Сэйчас мы тэбя накормим... Так нэ годится... Нэ война вэдь...

Рубен скрылся за занавеской.

— Шашлык еще будэте? А это? Давай сюда... И водки налэй...

Через минуту одуревший Сергей рвал зубами сочное, пахнущее углями мясо, вместо хлеба запихивал в

рот щедро набитые острым фаршем чебуреки. Водки ему налили почти полный граненый стакан, Сергей выпил в два приема, показалось — вода, но тут же ударило по всему телу блаженное тепло и приятно растаяло владевшее им весь день напряжение.

Сейчас он был почти счастлив и испытывал искреннюю благодарность к Рубену. Тот даже посадил его одного в кухне, словно своего личного гостя. Чем можно отблагодарить доброго человека? Наносить завтра воды бесплатно? Но как бесплатно — ведь завтра тоже захочется есть...

За занавеской звякнули стаканы, раздался смех.

— Спасибо, хозяин! — от всего сердца сказал Сергей.

— Нэ только мнэ, всэм спасибо скажы,— впервые замыганный полог отдернулся, открывая стол, за которым, кроме Рубена, сидели три его земляка. Двое смеялись и смотрели на третьего, который откинулся к стене с закрытыми глазами и тихо стонал.

«Плохо ему, что ли? Но почему они смеются?» — недоумевающе подумал Лапин.

Третий застонал громче, вытянулся и, будто придя в себя, открыл глаза.

— Молодец,— без акцента сказал он.— Хорошо сделала.

Под столом обозначилось какое-то шевеление, ска-терть приподнялась, показались несвежие пятки и белые ягодицы. Раздался новый взрыв хохота, только теперь все четверо смотрели на изумленного Сергея. Совсем молодая и голая до пояса снизу рыжая девчонка вылезла, встала и тоже, не проявляя ни малейших признаков смущения, устала на Лапина.

— Пусть он ее отдерет через жопу, а мы посмотрим,— лениво произнес третий, наливая себе водку.

Рыжая молча повернулась спиной, нагнулась и чуть присела.

— Хочэшъ ей задуть, Вася? — склонив голову набок, спросил Рубен.

— Я Сергей, — поправил Лапин и отступил к выходу.

— Давай, Вася, давай! — с пьяной настойчивостью повторял третий.

— Да нет, не буду... — Сергей сделал еще шаг.

Рубен звонко шлепнул девку по заднице, она выпрямилась и как ни в чем не бывало потянулась к стакану.

— Мне одеваться? — буднично поинтересовалась она.

— Подожди пока, — буркнул Рубен. — А спорим на столык, что Сэрежа два мэшка с мукой подымет?

— Такой задохлый? Не сможет! — категорично сказал третий и достал деньги. Двое его друзей тоже отрицательно покачали головами.

Радуюсь, что может сделать приятное хозяину, Лапин прошел в кладовку, положил на каждое плечо по мешку, вернулся обратно.

— Хоп! — Рубен сгреб купюры. — Молодэц, отработал еду!

Довольный Лапин отнес мешки. Когда он вернулся, третий что-то настойчиво говорил Рубену, тот не соглашался.

— Нэт, Сурэн, это нэ получится. Он смиренный. Шум нэ лубит, драка нэ лубит...

Третий настаивал на своем. Рубен встал, приобнял Лапина за плечи, отвел в сторону.

— Дэнъги хочэш? — жарко дыша водочным и мясным духом, прошептал он. — На дэло пойдош — мильон получиш. Можэт, болшэ...

Сурен настороженно следил за переговорами.

— Там нычего страшнэго... Посыдишь в машине, можэт, и выходить нэ прыдется...

Лапин достаточно долго жил на Богатыновке, чтобы оценить предложение.

— Не-ет, на такое я не подписываюсь... Пусть он не обижается... Деньги нужны, но на зону неохота... —

Миллион в его положении казался баснословной суммой, бесповоротно отказаться от такого богатства он просто не мог и попытался найти компромисс.— Если там телевизор починить, посторожить чего, погрузить... Ну, любую работу — я с удовольствием!

Сурен, хотя и не разобрал слов, все понял и, потеряв интерес, отвернулся.

— Как хочэш,— Рубен пожал плечами и вернулся к приятелям.

— Чэво заснули? Наливай, дальше вэселиться будэм!

Рыжая натянула на иссиня-бледные ноги стоптанные, давно не чищенные сапоги и терпеливо ожидала дальнейших распоряжений. Лицо ее ничего не выражало. Лапин вышел на улицу.

Сумерки сгустились. Крутой тротуар напоминал каток, чтобы не упасть, приходилось двигаться боком на напряженных полусогнутых ногах, предварительно проверяя надежность каждого шага. В нескольких метрах впереди прогрохотал трамвай, Сергей замер в неустойчивом равновесии, рассматривая сквозь заиндевшие стекла тряпичных человечков, плотно набившихся в плохо освещенный вагон. В этот миг стертая подошва скользнула по зеркальной кромке, Лапин сорвался вниз, откинулся назад, стараясь затормозить, но лишь опрокинулся на спину и поехал ногами вперед прямо под лязгающие, брызгающие крошевом льда колеса.

Животный ужас взметнулся в глубине его существа и, как огненный столб кумулятивного фугаса, пробил брешь в толстой корке, гасящей любые всплески эмоций лапинского сознания. Он вдруг увидел себя со стороны: жалкого, никому не нужного доходягу, кровавые куски которого отволокут с рельсов, словно останки бесхозной дворняги, и ужаснулся этому зрелищу не меньше, чем неминуемой смерти. Пальцы тщетно цеплялись за гладкий холод, он пытался выпустить ногти,

приклеиться к беспощадному склону, любым путем растянуть время губительного скольжения, но сила инерции неумолимо несла скрюченное тело в дешевом сношенном пальто под бешено крутящиеся стальные ножи.

Ему повезло: онемевшие ноги оказались на рельсах уже за последней колесной парой, плохо освещенный трамвай исчез за поворотом, нигде ничего не болело, одежда не порвалась и даже не сильно испачкалась. Лапин встал, отряхнулся и двинулся дальше. Брешь затянулась, и эмоции немедленно угасти. В конце концов, ровно ничего не произошло, упал — и упал, всего-то делов... Приятная сытость согрела и прибавила сил, день заканчивался хорошо, если еще и Тонька дома... Увидев освещенное окно, Сергей почувствовал себя счастливым.

* * *

*Тиходонск, 8 февраля 1997 года,
7 часов 15 минут,
минус 5 градусов по Цельсию,
ветер, мокрый снег.*

— Подъем по камере! На opravку по одному! Обиженные последними!

Лапин приподнял голову от подушки, сложил ладонь козырьком, прикрываясь от света вспыхнувшей под потолком лампочки. На пороге криво скалился Димка. Постель была разложена прямо на полу и занимала практически все свободное пространство тесной кухоньки. На прошлой неделе Антонина сделала ему предварительный расчет. В тот субботний день она вернулась из «Супермаркета» раньше обычного, лицом темная, как грозовая туча. Кто знает, может, с рэкетом чего не поделила, или дневную выручку стащили, или

директор опять приставал,— эту бабу не разберешь: сама ничего не рассказывает, а спросишь — посылает.

Лапин приготовился выслушать обычную в таких случаях порцию оскорблений, но на этот раз сожительница резко изменила тактику. Словам она предпочла дела. Первым делом отселила его из спальни. Привела на кухню и ткнула пальцем на разохшиеся половицы — не хер постель продавливать и на шармака в дырку лазить, будешь, паразит, здесь спать. А не возьмешься за ум — вообще выкину к едрене фене!

Так он и прокрутился всю ночь на полупустом матрасе, слушая возню мышей под полом и натягивая постоянно сползающее пальто. Дело, конечно, обычное — что заслужил, то и получил, но хоть бы белье дала... На следующие сутки он получил что хотел: старую простыню с сомнительными пятнами и расплывшимся фиолетовым оттиском «МО СССР» и старое порыжелое солдатское одеяло. Хватит тебе, паразиту, скажи спасибо, что вообще на улицу не выкинула, хотя и за этим скоро дело не станет.

Затем бывшая супружница, а ныне посторонняя гражданка Крылова заставила его переволочь холодильник из кухни в комнату. Нечего, мол, обжираться на чужие деньги. Так что теперь ему запрещено заглядывать не только в горячую Тонькину лохматку, но и в стылое полупустое нутро допотопного «Саратова». А вдобавок ко всему у него еще были отобраны ключи от входной двери.

— Не возьмешься за ум — вообще выгоню к чертовой матери! — мрачно повторила Тонька, и можно было с уверенностью сказать, что свое обещание она выполнит.

Вот такой на сегодняшний день имелся у Лапина расклад.

— Убери копыта, дай к плите пройти! — В раздраженном голосе Димки отчетливо слышались Тонькины интонации.

Лапин послушно подобрал ноги. Димка перешагнул через матрас, чиркнул спичкой, зажег конфорку под чайником. Одет он был в длинную, доходящую до колен спортивную майку. Если хорошо присмотреться, в размытых цветных пятнах на груди можно угадать эмблему баскетбольного клуба «Чикаго булле». Раньше майка принадлежала Лапину, в ней он бегал каждое утро по набережной до моста и обратно, выходило пять километров — его дневная норма. Но это было еще в благополучные времена, потом стало не до бега... Наступили суровые деньки, потому Димка и донашивает его вещи.

Лапин несколько раз моргнул, привыкая к яркому свету, прищурившись, посмотрел на циферблат настенных часов. Четверть восьмого.

— Куда это ты в такую рань собрался?

— Куда, куда... Тащить кобылу из пруда! Я руками за узду, а ты зубами... Догадайся, за что?

Перешагнув обратно через постель, подросток отправился в туалет. Лицо у него было таким же мятым и линялым, как его одежда.

Лапин хотел сделать замечание, но потом счел за лучшее промолчать. Он всегда относился к пацану как к сыну, а к Антонине — как к законной жене. Нормальная семья, нормальные отношения, и он вроде как глава добропорядочного семейства. Но теперь все лопнуло. И семьи никакой нет. И он никакой не глава, а так — сбоку припека. И Димка ему совершенно чужой. Как ему вести себя с чужим дядей? А вот как — сама мать ему такой пример подает.

Тяжело вздохнув, Лапин повернулся на бок. Спина у него совершенно одеревенела. Он где-то вычитал, что спать на твердом даже полезно. Наверное, это писал тот, кто никогда на твердом не спал. Тем более не спал на полу в богатяновских трущобах. Из щелей тянут сквозняки, в подвале всю ночь скреблись мыши,

да и обидно... Все же он человек, а не дворняга безродная...

Процесс пробуждения для него всегда был болезненным. Как будто между сном и явью протянулась граница, со всеми присущими ей атрибутами: многослойными проволочными заграждениями, слепящим светом прожекторов, пулеметными вышками и злющими сторожевыми псами. Сознание порой выкидывало с ним такие шутки, что если кому рассказать, так не поверят. Подумают, что он сочиняет. Пытался как-то поговорить на эту тему с супружницей, но сочувствия и понимания с ее стороны не встретил. Антонина всякий раз обрывала его на полуслове, а бывало и так, что обзывала психом. «Чем херней заниматься, лучше деньги добывай, как другие мужики», — зло говорила она и поправляла вечно выпадающие из лифчика арбузообразные груди.

Каких мужиков она имеет в виду, Тонька не уточняла. Соседи все бедствуют: Петруху давно сократили, Кузьмичу тоже полгода зарплату не выдают, Кружок через две недели кровь сдает... Может, молодые бугаи в кожаных куртках, что рэкетируют рынок, должны служить ему примером... Или толстый Толян, что возит шмотки из Турции. Он — челнок, она — реализатор, партнеры, запираются дома на два-три часа, когда Лапина нет. За чем? Тонька говорит — деньги считают да товар проверяют. Что они там проверяют — неизвестно, только Кружок как-то летом подобрался под окно и слышал, что Тонька орет, как будто ее жарят.

Лапин у нее спросил, а гражданка Крылова в крик: «Псих твой Кружок, да и ты такой же! Рано тебя из психушки выпустили, надо опять сдать, чтобы чердак почистили. Мудак долбанутый! Одно слово — Чокнутый!»

Что тут возразить? Он и правда долбанутый. Несколькими годами назад попал под машину на вокзальной площади, после чего действительно отлежал в психиат-

ричке — куда деваться, если память отшибло и вообще сдвиг по фазе получился. А что рано выпустили — неправда. Он же никакой не психбольной, и даже память к нему постепенно вернулась. Частично вернулась... Однако в справке черным по белому написано: Лапин С. И. отдает отчет в своих действиях и может руководить ими, а следовательно, является полностью вменяемым. Но даже если он и трижды псих, почти чокнутый, пусть Кружок совсем шизофреник, откуда Кружку знать, что она кричит, когда кончает? Как он мог это придумать в шизофреническом бреде, если не слышал своими ушами под открытым окном?

Между прочим, в былые времена Антонина подобных выпадов в его адрес не позволяла. Они и познакомились в психушке, там ее первый муж, Димкин отец, с белой горячкой лежал. Потом он под поезд бросился, а они сошлись, стали жить как муж с женой. Так что ей к психам не привыкать. После запойного пьяницы Лапин казался ангелом. На все странности, что по первой он выкидывал, Антонина внимания не обращала, слова дурного не говорила, только тихо радовалась подвалившему счастью. Подруги, соседки — все завидовали. Надо же, Крылова, какого мужика ты себе отхватила! Не пьет, не курит, с людьми держится вежливо, никто дурного слова от него не слышал. К тому же зарабатывает прилично и все до копейки в дом несет. Не то что мой...

А что молчун, людей сторонится, так даже хорошо. Другой как начнет говорить, так уж лучше бы и вовсе рта не раскрывал. Или приведет домой всякую шпану, потом либо вещей недосчитаешься, либо денег. Опять же Димку любит не в пример родному папаше, тот только на колотушки расщедрился. А этот и в кино водит, и на рыбалку, и в зоопарк... Раньше парнишка гойдал, как беспризорник, с богатыновской босотой, а сейчас у него настоящая семья, мать хозяйственная и отец работающий... Многое раньше было по-другому..